

Скутерис К. В. О смысле богословия и ответственности православного богослова в наши дни: [Речь при вручении диплома doctor honoris causa. Московская Духовная Академия, 21 апреля 2005 г.] / Пер. Е. В. Жуковой; под ред. В. Л. Шленова // Богословский вестник 2005–2006. Т. 5–6. № 5/6. С. 418–434.

К. В. СКУТЕРИС

О СМЫСЛЕ БОГОСЛОВИЯ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРАВОСЛАВНОГО БОГОСЛОВА В НАШИ ДНИ¹

В начале своего выступления мне бы хотелось отметить, сколь почетным является для меня решение Ученого Совета знаменитой Московской духовной академии о присвоении мне степени доктора богословия honoris causa. Я не нахожу слов, чтобы выразить свою признательность и благодарность. В моем сознании столь великая честь возлагает на меня ответственность перед нашей общей Матерью — Православной Церковью и долг перед нашим общим служением, перед нашей православной богословской миссией.

В такой важный момент моей академической жизни мне бы хотелось вспомнить трех великих русских богословов, которых я удостоился знать и которые своим образом мысли и прежде всего своей приверженностью православной традиции глубоко повлияли на становление моего богословского сознания.

Первым из них был блаженной памяти архиепископ Брюссельский Василий (Кривошеин), глубокий знаток богословия святого Симеона Нового Богослова и святителя Григория Паламы. Для меня было поистине благословением то, что я сотрудничал с ним на протяжении многих лет, а также и то, что мне довелось принять участие в появлении на греческом языке его труда «В свете Христовом», который перевела моя супруга.

¹ Речь почетного профессора Богословского факультета Афинского университета К. В. Скутериса при вручении ему диплома doctor honoris causa Московской духовной академии 21 апреля 2005 г. Перевод с новогреческого языка выполнен аспиранткой Богословского факультета Афинского университета Е. В. Жуковой под редакцией В. Л. Шленова.

Вторым был приснопамятный Леонид Успенский. Богослов, великий иконописец, верное чадо Русской Православной Церкви, он жил как монах в миру, среди чуждого ему окружения, которое не только не внесло мирского начала в его образ мысли и жизни, но напротив духовно укрепило его. Я счастлив, что не только знал его, но и был связан с ним узами долголетней дружбы. Когда Русская Православная Церковь приурочила к празднованию тысячелетия обращения в христианство этой благословенной страны проведение международной научной конференции в Санкт-Петербурге, я имел счастье представить там небольшой доклад на тему «Святоотеческие основания богословия Леонида Успенского» (*The Patristic Foundation of the Theology of Leonid Ouspensky*). Исследование было опубликовано в коллективном томе «*Icons: Windows on Eternity*».

Третьим был выдающийся богослов о. Георгий Флоровский. Я храню в памяти его благородство и радушность, хотя видеть его мне довелось всего лишь один раз в жизни. Особенной честью для меня была предоставленная мне в 1985 году возможность выступить с докладом в Нью-Йорке, в рамках ежегодного мероприятия Православного богословского общества Америки, и читать ежегодно принятую там «Лекцию, посвященную памяти о. Георгия Флоровского» (*Father George Florovsky Memorial Lecture*). Это мое исследование было опубликовано в 1985 г. в журнале «*The Greek Orthodox Theological Review*».

Не случайно посчитал я своим долгом начать речь о смысле и ответственности богословия с упоминания об этих трех великих деятелях Православной Церкви. Они глубоко осознавали колоссальный потенциал православного богословия и неуклонно трудились над тем, чтобы донести традицию и слово христианского Востока западному миру. Их приношение оставило немалые следы в западной христианской мысли, искавшей, неосознанно или осознанно, богословие, способное дать надежду.

После Второй мировой войны на протяжении нескольких десятилетий особенное внимание было уделено сути богословия. Сущность богословия, его цель, метод и язык составляли предмет изучения многочисленной плеяды исследователей как православных, так и других христианских конфессий. Несчастья, принесенные человечеству интеграцией, а затем бурным техническим прогрессом, причиной которого стало невиданное прежде развитие наук, эти факторы великих перемен мировой истории подтолкнули богословов к глубокому исследованию важнейших христианских понятий, и в первую очередь самого богословия. Жизненно важным стал вопрос о том, что представляет собой богословие. Является ли богословие наукой? Может ли человек познать Бога и если да, можно ли о Нем говорить и каким образом? Какого рода знанием является знание о Боге, и каким словом является богословие?..

Святитель Григорий Богослов, рассматривая богословие как слово о Едином в Трех Ипостасях Боге, подчеркивает, что в данном случае возможности человеческого слова весьма ограничены. Если исследования природы встречаются на своем пути труднопреодолимые преграды, то богословие в своем искании Бога наталкивается на непреступные рубежи. В IV в. до Р. Х. Платон писал: «Конечно, творца и родителя этой вселенной нелегко отыскать, а если мы его и найдем, о нем нельзя будет всем рассказывать»². Свт. Григорий развивает мысль греческого философа следующим образом: «„Бога познать трудно, а изречь вовсе невозможно“... Но как я рассуждаю, изречь невозможно, а познать еще более невозможно»³. Свт. Григорий Нисский, переда-

² Plat. Tim. 28c:3—5. TLG 0059/31. τὸν μὲν οὖν ποιητὴν καὶ πατέρα τοῦδε τοῦ παντὸς εὐρεῖν τε ἔργον καὶ εὐρόντα εἰς πάντας ἀδύνατον λέγειν... Рус. пер. цит. по: Платон. Сочинения. Т. 3. Ч. 1. М., 1971. С. 469 (здесь и далее ссылки на источники выполнены редакцией журнала).

³ См.: Greg. Naz. Orat. 28 (De theol.) 4:1—5. TLG 2022/8. θεὸν νοῆσαι μὲν

вая учение Евномия, указывает на различие между естественным и духовным познанием: «Одно дело — тайна богословия, а другое — естественное учение об изменяющихся телах»⁴. Отцы каппадокийцы в общем согласии отмечают, что существует великая разница между познанием мира телесного и познанием Бога. Познание физических тел совершается при главенствующем участии логического разума, однако если богословие возьмет за основу своего познания один лишь разум, то оно неизбежно превратится в голую теорию, в один из видов философии или даже в простое логическое упражнение, софизм. Человеческая логика слишком несовершенный орган, который неспособен проникнуть в «глубины Божии» (см. 1 Кор. 2, 10).

Утверждения латинского схоластического богословия о том, что человек может посредством логических рассуждений постичь сущность Бога, привело, как известно, западную богословскую мысль к безысходности отвлеченного богословия, в центре которого был поставлен человек. Схоластические богословы латинского средневековья, искажая смысл и абсолютизируя постулат блж. Августина, говорившего: «Я буду без промедления искать сущность Бога, будь то через Священное Писание или через тварь»⁵, пришли к богословию, очень близкому к построениям еретика Евномия, пытавшегося превратить богословие в «теорию». Свт. Григорий Нисский поставил перед Евномием прямой вопрос: «Как посредством страстей телесных можешь ты рассуж-

χαλεπόν φράσαι δὲ ἀδύνατον, ὡς τις τῶν παρ' Ἑλλήσι θεολόγων ἐφιλοσόφησεν... ἀλλὰ φράσαι μὲν ἀδύνατον, ὡς ὁ ἐμὸς λόγος, νοῆσαι δὲ ἀδυνατώτερον. Ср. рус. пер.: Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 1. ТСА, 1994. С. 393.

⁴ *Greg. Nyss. Contra Eun. 3, 2, 24:5—6. TLG 2017/30. (PG 45, 625C) ...ἄλλο θεολογίας ἐστὶ μυστήριον καὶ ἄλλη τῶν βευστῶν σωμάτων φυσιολογία.* Ср. рус. пер.: «...иное дело — богословское таинство, и иное — естествословие бранных тел» (Свт. Григорий Нисский. Творения. Т. 5. Опровержение Евномия. Кн. 4. Глава 1. М., 1863. С. 443).

⁵ *Aug. Hipp. De Trin. (lib. II. Prooem.) PL 42, 845. ...non ero segnīs ad inquirendam substantiam Dei, sive per Scripturam Eius, sive per creaturam.* Ср. рус. пер.: Августин Аврелий. О Троице. Краснодар, 2004. С. 45.

дать о бесплотном?»⁶ Богословие перестает быть собою, если человеческое слово начинает замещать собою слово Божие. Поэтому и Евномия нельзя относить к подлинным богословам, он был, по словам свт. Григория Нисского, только теоретиком, «плотским» (*σωματικός*)⁷ и «новоиспеченным» (*καινός*) богословом⁸.

Святые отцы каппадокийцы с поразительной настойчивостью обращались к тайне богословия, для того чтобы подчеркнуть, что исходной точкой богословия является не человеческое слово, а Слово божественное. Любомудрствовать о Боге позволительно лишь тогда, когда Сам Бог соизволяет открыть Себя. Богословие всегда есть посвящение человека в тайну Божию, которая открывается Самим Богом. Согласно неизблемой традиции Церкви, существовавшей издревле, богословие является высочайшим даром божественной благодати, преподанным в Откровении.

Превосходно выражают церковное сознание о богословии как об исключительном даровании слова святого Диадокха, епископа Фотикийского: «Все дары Бога нашего весьма хороши и способны доставлять всякую благодать, но ни один не воспламеняет и не побуждает так сердца нашего к любви Его благодати, как богословие. Ибо само оно, будучи ранним порождением благодати Божией, непременно и первые дары дает душе»⁹.

⁶ *Greg. Nyss. Contra Eun.* 3, 2, 24:10—11. (PG 45, 625C—D) *πῶς διὰ τῶν παθῶν τοῦ σώματος τεχνολογεῖς τὸ ἀσώματον*; Ср. рус. пер.: Творения. Т. 5. Кн. 4. Глава 1. С. 443—444.

⁷ *Greg. Nyss. Contra Eun.* 3, 6, 43:7. Рус. пер.: Творения. Т. 6. Опровержение Евномия. Кн. 8. Глава 4. М., 1864. С. 120.

⁸ *Greg. Nyss.* 3, 2, 8:1—2 (PG 45, 620C). Рус. пер.: Творения. Т. 5. Кн. 4. Глава 1. С. 436. Ср.: *Greg. Nyss. Contra Eun.* 1, 1, 1, 250:2—4. *...ἐτέρας τινὸς ὑποστάσεως πρεσβυτέρας τοῦ μονογενεοῦς προαναπλασθείσης ὑπὸ τοῦ καινοῦ θεολόγου...* Рус. пер.: «...этим новым богословом примышлена другая некая ипостась, которая старше Единородного...» (Творения. Т. 5. Кн. 1. Глава 20. С. 103).

⁹ *Diad. Phot. Sermo asc.* 67 // Греч. текст и рус. пер. см.: Блаженный Диадокх, епископ Фотики Древнего Эпира, и его творения. Т. 1. Творения бл. Ди-

Богословие, являясь дарованием Божиим, предполагает со стороны человека чистоту веры. Не смутной отвлеченной веры, заключающейся только в признании существования некоего высшего начала, но веры Евангельской, веры в Троиственного Единого Бога, веры такой, какую ее передали Церкви апостолы, веры непорочной, какой она сохранилась в святоотеческом учении, какой провозгласили ее Вселенские Соборы. Свт. Василий Великий утверждает, что «тайна богословия требует одобрения веры без испытания»¹⁰. Вера вовсе не заменяет слово, но освящает его. По слову Григория Богослова, она есть «восполнение (πλήρωσις) нашего слова»¹¹. Слово не упраздняется, но исполняется и совершается верой.

То, что богословие зиждется на вере, преображающей слово и делающей его приличествующим Богу, предполагает существование некоторых предпосылок, необходимых для самой возможности богословской мысли. Богословие как наука о божественном нуждается в наличии определенного метода и образа мышления при подходе к ней. В первую очередь нужно со всей ясностью понять, что не может богословствовать кто бы то ни было и когда бы то ни было. Свт. Григорий Богослов говорит по этому поводу: «Любомудрствовать о Боге (τὸ περὶ θεοῦ φιλοσοφεῖν) можно не всякому... Это приобретается недешево и не пресмыкаю-

доха / Пер. К. Полова. Киев, 1903. С. 354—359. Ср. более архаичный рус. пер.: «Все дары Бога нашего добры вельми и всеблагодательны; но ни один из них так не воспламеняет и не подвигает сердца к возлюблению Его благодати, как богословствование. Ибо оно, будучи первейшим порождением благодати Божией, первейшие и дары подает душе...» (Блаженного Диадокха, епископа Фотики, что в древнем Эпире Илирийском, подвижническое слово // Добротолюбие в русском переводе. Т. 3. М., 1900. С. 44—45).

¹⁰ *Bas. M. Hom. in Ps.* 115. PG 30, 105:15—17. TLG 2040/55. Οὕτω δὲ οὖν καὶ τὸ τῆς θεολογίας μυστήριον, τὴν ἐκ τῆς ἀβασανίστου πίστεως ἐπιζητεῖ συγκατάθεσιν.

¹¹ *Greg. Naz. Orat. 29 (De Filio) 21:12.* TLG 2022/9. ἡ γὰρ πίστις τοῦ καθ' ἡμᾶς λόγου πλήρωσις. Ср. рус. пер.: «Ибо восполнение нашего учения есть вера» (Григорий Богослов. Творения. Т. 1. С. 428).

щимися по земле! Присовокуплю еще: можно Любомудрствовать не всегда, не перед всяким и не всего касаясь, но должно знать: когда, перед кем и сколько. Любомудрствовать о Боге можно не всем; потому что способны к сему люди испытавшие себя, которые провели жизнь в созерцании, а прежде всего очистили, по крайней мере очищают, душу и тело»¹². Согласно святоотеческому учению непременным условием для приобщения к богословию является очищение (*κάθαρσις*). К Богу, Который преисполнен целомудрия и чистоты, могут приступать лишь чистые люди, или, по крайней мере, постоянно стремящиеся себя очистить. Далее свт. Григорий Богослов утверждает: «Образом жизни взойди, очищением достигни чистоты. Хочешь ли со временем стать богословом и достойным Божества? Соблуди заповеди, поступай согласно повелениям, ибо деяние есть восхождение к созерцанию»¹³. Очищение подразумевается здесь, конечно, не с философской точки зрения, но с христианской. Оно имеет не только отрицательный характер, но и положительный, и заключается в освобождении от страстей и одновременно в возделывании добродетелей.

Очищению сопутствует «покой» (*συχολή*), то есть внутренняя тишина и спокойствие души. Богословствовать должно, говорит свт. Григорий Богослов, когда «мы находимся в состоянии покоя от внешней нечистоты и волнения», а не тогда, когда наш ум пре-

¹² *Greg. Naz. Orat. 27 (Adv. Eunom.) 3:1—6. TLG 2022/7. Рус. пер. цит. по: Григорий Богослов. Творения. Т. 1. С. 386.*

¹³ *Greg. Naz. Orat. 20 (De dogm. et constit. epics.). PG 35, 1080:15—19. TLG 2022/33. Διὰ πολιτείας, ἀνελθε· διὰ καθάρσεως, κτῆσαι τὸ καθαρὸν. Βούλει θεολόγος γενέσθαι ποτὲ, καὶ τῆς θεότητος ἄξιος; τὰς ἐντολὰς φύλασσε· διὰ τῶν προσταγμάτων ὁδεύσον· πράξις γὰρ ἐπίβασις θεωρίας... Ср. рус. пер.: Творения. Т. 1. С. 305.*

¹⁴ См.: *Greg. Naz. Orat. 27 3:8—13. Рус. пер.: «Когда же можно (богословствовать)? — Когда бываем свободны от внешней тины (т. е. не порабощаемся плоти) и мятежа, когда владычественное в нас (т. е. ум) не сливается с негодными и блуждающими образами, как красота письмен, перемешанных письменами худыми, или как благовоние мира, смешанного с грязью. Ибо действительно*

бывает в смятении под влиянием мирских неурядиц¹⁴. Необходимо постоянно иметь память Божию: «помнить о Боге необходимо больше, чем дышать»¹⁵. Однако когда нам предстоит богословствовать, нужно учитывать обстоятельства времени и отчетливо сознавать наше собственное состояние. Свт. Григорий осуждает «несообразность» (*ἀμετρία*) и «несвоевременность» (*ἀκαιρία*) богословия, не исходящего из такого «покоя», не знающего непрестанной памяти Божией и внутреннего озарения¹⁶.

В целом, в святоотеческом учении особо подчеркивается мысль о том, что истинным состоянием богословия может являться только созерцание. Истинный богослов и есть тот, кто достиг созерцания. Понятие «созерцание» (*θεωρία*) восходит к Священному Писанию. Глагол *θεωρέω* часто встречается в Евангелии от Иоанна. Христос множество раз говорил о нем и уверял Своих учеников: «Не оставляю вас сиры: прииду к вам. Еще мало, и мир ктому не видит Мене: вы же видите Мя, яко Аз живу, и вы живи будете» (Ин. 14, 18—19). Богословие в созерцании славы Божией познали апостолы в день Пятидесятницы, а святые Церкви и святые отцы познают его, становясь причастны (*μετοχή*) Богу в Духе Святом. Богословие как созерцание и причастие Богу безусловно есть высшая степень познания. Достигшие состояния такого созерцания обладают опытом Богопознания, высочайшим знанием Бога и не только становятся способны понимать слова и

нужно упраздниться, чтоб разуметь Бога (Пс. 45, 11), и егда придет время, судить о правоте Богословия (Пс. 74, 3)» (Творения. Т. 1. С. 386).

¹⁵ Greg. Naz. Orat. 27 4:2—4. *μνημονευτέον γὰρ θεοῦ μᾶλλον ἢ ἀναπνευστέον καί, εἰ ὁλον τε τοῦτο εἰπεῖν, μηδὲ ἄλλο τι ἢ τοῦτο πρακτέον*. Рус. пер.: «Памятовать о Боге необходимее, нежели дышать; и, если можно так выразиться, кроме сего не должно и делать ничего иного» (Творения. Т. 1. С. 387).

¹⁶ См.: Greg. Naz. Orat. 27 4:9—11. *ὥστε οὐ τὸ μνησθαι διηλεκῶς κωλύω, τὸ θεολογεῖν δέ· οὐδὲ τὴν θεολογίαν, ὡσπερ ἀσεβές, ἀλλὰ τὴν ἀκαιρίαν· οὐδὲ τὴν διδασκαλίαν, ἀλλὰ τὴν ἀμετρίαν*. Рус. пер.: «Таким образом запрещаю не памятование о Боге, но богословствовать непрестанно; даже запрещаю не богословствование, как бы оно было делом не благочестивым, но безвременность, и не преподавание учения, но несоблюдение меры» (Творения. Т. 1. С. 387).

символический язык святых, но могут сами выражать, не уклоняясь в различные заблуждения, истинное богословие.

Многие святые отцы и церковные писатели говорят о трех ступенях восхождения к Богу и признают, что высочайшей из них является созерцание, которое они и называют преимущественно богословием. Евсевий Кесарийский, Евагрий Понтийский и еще в большей степени отцы каппадокийцы видят церковный характер богословия именно в стяжании очищения, просвещения и созерцания, или же богословия. Этот духовный путь нельзя понимать только как некое философское восхождение или нравственное совершенствование. Более того, здесь является нам подлинная реальность, связанная непосредственно с любовью, верою и общением с Тем, от Которого происходит *всяко даяние благо и всяк дар совершен* (Иак. 1, 17). Этим путем Церковь призывает пройти каждого верующего.

Весьма впечатляющим является и то, что, в общем и целом, отеческое учение о богословии предполагает соответствующий ему образ бытия. Богословие, как и все наше Православие, по призванию своему представляет собой славословие Бога. Начиная с первых веков христианства три термина — «богословие» (*θεολογία*), «славословие» (*δοξολογία*) и «православие» (*ὀρθοδοξία*) — теснейшим образом связаны между собой и подчас служат друг другу заменой. Богословие можно назвать еще правым учением о славе. Слава же, в свою очередь, есть воистину Сам Бог, Которого свт. Иоанн Златоуст именует «неизменной Славой»¹⁷. И свт. Епифаний Кипрский говорит, что Божество «не имеет никакой нужды в приращении славы, так как

¹⁷ См.: *Jo. Chrys. In ep. ad Rom.* PG 60, 415:41—44. *Εἰ γὰρ ἄνθρωπος πολλαῖς φιλοσοφῶν οὐδὲν ἂν πάθοι παρὰ τῶν ὑβρίζοντων, πολλῶ μᾶλλον ὁ Θεὸς, ἢ ἀνώλεθρος καὶ ἀτρέπτος φύσις, ἢ ἀαλλοίωτος καὶ ἀκίνητος δόξα.* Рус. пер.: «Если и любомудрый человек часто может совсем не чувствовать оскорбления, то тем более Бог, Существо бессмертное и неизменяемое, слава непреходящая и неподвижная» (Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста. Т. 9. Кн. 2. Беседа 3 на послание к Римлянам. СПб., 1903. С. 515).

Оно Само по Себе славно и самосовершенно» (*ἐχούσης δὲ τὸ αὐτοδεδοξασμένον καὶ τὸ αὐτοτέλειον*)¹⁸. Таким образом, термины богословие и славословие могли выражать одно и то же. Древние церковные писатели, такие как Ориген, Афанасий Великий, Дидим Слепец, Евагрий Понтийский и другие нередко употребляли понятия «богословие» и «славословие» как тождественные. Богословие, понимаемое как правильное учение (согласно исходному значению слова *δόξα*), является в то же время правильным славословием Бога. Широко известно классическое изречение Евагрия: «Если ты богослов, молись истинно, и если кто-либо молится истинно, таковой есть богослов»¹⁹. Владимир Лосский замечает в одном месте, что познание Святой Троицы, богословие и молитва для Евагрия синонимы²⁰.

В этой связи необходимо добавить, что богословие на Востоке никогда не было только индивидуальным интеллектуальным занятием, и уж, конечно, никогда не являлось некоторой рационалистической системой мыслей и знаний. Более того, оно было нераздельно с образом жизни, которая своим средоточием имела евхаристическое общение. На Востоке бытовало устойчивое убеждение в том, что любой истинный богослов во всей полноте выражает в своем учении, хотя, конечно, каждый по своему, учение Церкви и соборный разум, принося обретенное им Богу как «Твоя от Твоих». Именно такой церковный характер богословия выражается в возгласе служащего на божественной Литургии: «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповеваемы Отца, и Сына, и Святаго Духа, Троицу Единосущную и Нераздельную».

¹⁸ См.: *Eriph. Panarion (Adv. haer.) 3, 222:10—15. TLG 2021/2. Рус. пер. цит. по: Св. Епифаний Кипрский. Панарион. Ч. 4. Ересь 69. Против ариенитствующих. Глава 74. Т. 4. С. 221.*

¹⁹ *Evagrius. De orat. Cap. 60. PG 79, 1180:22—23 (sub nomine Nili Ancyran). TLG 4110/24. Εἰ θεολόγος εἶ, προσεύξῃ ἀληθῶς, καὶ εἰ ἀληθῶς προσεύξῃ, θεολόγος εἶ.*

²⁰ *Lossky V. Vision de Dieu. Paris, 1962. P. 86. На рус. яз. см.: Лосский В. Боговидение // Лосский В. Богословие и Боговидение. М., 2000. С. 208.*

Незыблемым основанием, на котором утверждается богословие как славословие Творца, является соборность Церкви. В лоне Церкви, в этой непрестанной Пятидесятнице наш ум, часто оказывающийся дезориентированным и поступающий как *неискусен ум* (превратный ум) (Рим. 1, 28), может вновь ощутить свою устремленность к Богу, обрести Божественное просвещение, то есть преобразиться в *ум Христов* (1 Кор. 2, 16).

Церковь, не просто как община людей, но как *скиния Божия с человеки* (Апок. 21, 3), является собранием (*σύναξις*) в Святом Духе, в Котором сохраняется единство и гарантируется богословская истина (*ἀκρίβεια*). Только в лоне Церкви, действием Святого Духа, богословие может сохранить свой подлинный лик. Оно воистину несет на себе благодатное знамение Утешителя, Духа сыноположения, о Немже вопием: «*Авва, Отче!*» (Рим. 8, 15). По сути церковное богословие, в глубинах своих тождественное Православию и славословию Бога, есть дело Святого Духа, поскольку *о чесом бо помолимся, якоже подобает, не вемы, но Сам Дух ходатайствует о нас, воздыхании неизглаголаннми. Испытай же сердца, вестъ что есть мудрование духа, яко по Богу проповедует о святых* (Рим. 8, 26—27).

Вся святоотеческая литература жива таким сознанием и убеждением. Думаю, что лучше всего выражает сказанное выше песнопение праздника Пятидесятницы: «*Вся подает Дух Святый, точит пророчества, священники совершает, некнижняя мудрости научи, рыбаи богословцы показа, весь собирает собор церковный. Единосущне и сопрестольне Отцу и Сыну, Утешителю, слава Тебе*»²¹.

* * *

Современная эпоха, для которой характерны такие бурные социальные и общественные изменения, широчайшее распространение

²¹ Стихира 3, на «Господи воззвах» вечерни Пятидесятницы.

всевозможной информации, абсолютизация человеческого разума и все новые достижения научно-технического прогресса, ставит перед нами, богословами, непростые задачи. Прежде всего православное богословие обязано сохранить свою великую традицию. Оно должно засвидетельствовать миру *юродство* Евангелия, всегда остающееся намного сильнее и действенней, чем *премудрость премудрых* (см. 1 Кор. 1, 18—21).

Сегодня, в эпоху торжества модернизма, а по мнению других, уже постмодернизма, человек оказался под давлением внешних обстоятельств и забот, ввергающих его в состояние крайнего перенапряжения, находится в стеснении, быть может, превышающем по степени насилия все, что было прежде. Общий темп жизни, стремительные преобразования во всех ее сферах не оставляют времени для того, чтобы остановиться и глубоко задуматься о смысле человеческого существования. В современном обществе человек вынужден проводить в безликой суете и одиночестве значительную часть своей жизни. И многим кажется, что ныне значительно уменьшились возможности пережить подлинное чудо и почувствовать в своей жизни прикосновение горнего. Кажется, что в нашем обществе для Бога не осталось *места в обители* (Лк. 2, 7). Технический прогресс предоставляет человеку немало новых возможностей, но вместе с тем ставит перед ним все новые и новые проблемы²². Достижения в некоторых областях науки, таких как информатика и биотехнология, велики, но часто служат не освобождению, а порабощению человека, нередко остающегося совершенно незащищенным перед плодами своей собственной деятельности.

В современном мире, с его проблемами и трудностями, какую позицию занимает богословие? Каким образом слово его может быть живым и ступать в ногу со временем, каким образом мо-

²² О смысле технического прогресса и критические замечания по этому вопросу см.: *Κυριαζοπούλου Σ. Α. Η καταγωγή του τεχνικού πνεύματος. Αθήναι, 1965. Σ. 11, sqq.*

жет оно быть доступным всем и действенным? Может ли сегодняшнее богословие оценить должным образом настоящее и находит ли в себе силу устоять перед грядущим? Может быть, слово его соскользнуло на путь узкого профессионализма? Может, оно потеряло свою устремленность к небу, свою цветущую пышность и истощило свои духовные соки? Может быть, оно сегодня не гибко, консервативно, формально, эфемерно, остается вне нашей эпохи, а значит, и не имеет силы ее преобразить и одухотворить? Может, им обладает самонадеянность эгоистичной самодостаточности и оно больше не является плодом покаяния (*μετανοίας*, то есть перемены ума и образа жизни), может быть наше богословие потеряло свою православность и истощается в бессмысленных пустых раздумьях? Думаю, мы не можем и не должны обойти все эти вопросы, поскольку известно, что богословие, по крайней мере, в восточной традиции, никогда не было отвлеченной теорией, но напротив, всегда было направлено к человеку с его конкретными нуждами, жившему в тех или иных культурных и социальных обстоятельствах.

Очевидно, что на поставленные нами вопросы тщетно было бы ожидать немедленных готовых ответов. Возможно, достаточно уже постановка самих этих вопросов, тем более что подчас они могут содержать в себе и ответы. Тем не менее, мы должны признать, что на всех нас лежит колоссальная ответственность за наше богословие. Приснопамятный греческий старец, блаженный Порфирий, обладавший даром прозорливости, упокоившийся всего лишь несколько лет назад, говорил: «Тот, кто хочет стать христианином, должен прежде стать поэтом». В высочайшей степени эти слова применимы и к богослову. Я изменяю его слова, но не суть их: «Тот, кто хочет стать богословом, должен прежде стать поэтом. Это воистину так! Должно страдать всем сердцем и всею душою. Должно любить всем сердцем. Любить и страдать. Страдать о том, кого любишь. Любовь не жалеет никаких усилий для возлюбленного. Всю ночь ищет его, бодрствует, стирает в кровь ноги, и все это

для того, чтобы найти любимого, чтобы встретиться с ним. Человек приносит жертвы, не считается ни с чем, не страшится ни угроз, ни трудностей, и все это по причине любви. Такова и любовь ко Христу»²³. Владимир Лосский писал, что «для богослова исходная точка — Христос, и Он же — завершение»²⁴. Если богословие как деятельное слово и как деяние словесное (ἐλλόγιμος) принесено ко Христу и если отношения со Христом есть отношения любви, тогда прав старец Порфирий, говоря, что «тот, кто хочет стать христианином, должен прежде стать поэтом». В этом заключается возможная перспектива богословия. Мне думается, что в том периоде истории, в котором мы сегодня живем, лишь поэтическое и пророческое направление, лишь сочетание веры, надежды и любви могут придать силу делу богословия. Каким бы разделом богословия ни заниматься, и о каких бы перспективах ни мечтать, если в самом деле этом недостаточно любви, то оно останется в итоге незаконченным, а вполне возможно, бессмысленным и бессвязным.

Если богословие проникнуто пламенной верой и живой любовью, на его дальнейшие перспективы не могут повлиять никакие трудности, поскольку «конец же заветования есть, любви от чиста сердца, и совести благая, и веры нелицемерная» (1 Тим. 1, 5).

В наши дни существует более, чем достаточно, проблем не только у людей, отступивших от Бога, но и среди людей православных, как дома, так и на службе, как в укладе жизни, так и в мысли. Часто мы, имеющие ответственность перед Церковью, ведем себя так и выражаем наши богословские мнения таким образом, что между сторонниками консерватизма и стремления к переменам растет непомерное напряжение. Подобные проблемы были присущи богословской деятельности на протяжении ряда десятилетий, возможно, сегодня они отчасти утратили остроту,

²³ Γέρωντος Πορφύριου Κανσοκαλυβίτου. Βίος και Λόγοι. Χανιά, 2003. Σ. 238.

²⁴ Лосский В. Вера и богословие // ВРЗЕПЭ 101—104. 1979. С. 106.

но все-таки и до сих пор они продолжают вносить разлад в нашу богословскую общность.

Думаю, что нам необходимо осознать, что невозможно рассматривать традицию как нечто совсем не связанное с духом времени, так же как невозможно богословское обновление без подлинного продолжения традиции, основанной на историческом церковном опыте. Традиция сама по себе, в отрыве от настоящей действительности, порождает церковное монофизитство, в то время как богословие, опирающееся лишь на современность, приводит к церковному несторианству. Кроме того, само собой разумеется, что никто из нас не в праве считать Православие своей собственностью, так же как никто не уполномочен, односторонне и самопроизвольно, дерзать на субъективное обновление церковной науки и жизни, основываясь на мирских критериях и устоях, и к тому же в таких случаях, когда к этому нет серьезного основания.

Вопрос об обновлении богословского слова всегда был жизненно важным и имел первостепенную важность в жизни Церкви. Особенно в наши дни, в эпоху научно-технического прогресса и глобализации, современному православному богословию не может быть дозволено воспроизведение формального, сухого и бессильного слова. К тому же, традиция и история Церкви возвращали богословие, отвечавшее требованиям, культурной ситуации и бытийным нуждам каждой отдельно взятой эпохи и каждого человека. И сегодня перед богословием, как и во всякий другой момент истории, стоит тяжелейшая, но благодатная задача осознания того, что всегда живо бо слово Божие, и действительно, и острейше паче всякого меча обоюду остра, и проходящее даже до разделения души же и духа, членов же и мозгов, и судительно помышлением и мыслем сердечным (Евр. 4, 12).

Более того, при существующем состоянии дел, когда каждый человек поощряется быть отличным от других, Православие стоит перед лицом все более обмирщенного представления об обществе, которое может разжесть церковную соборность, если во-

время не будет дан решительный отпор, исходящий из непреложных, основополагающих истин православного сознания. Не следует упускать из виду и опасности так называемого «православного фундаментализма», за которым нередко стоит личная корысть некоторых церковных деятелей, спекулирующих на добром намерении части Божьего народа вести аскетический образ жизни и всеми силами защищать православную традицию. Результатом является то, что старания Церкви сблизится с миром, чтобы нести для людей, живущих в нем, спасительную весть, вести полноправный диалог и сосуществовать с другими в рамках современного общества, подвергаются необоснованной критике. По всей видимости, большинство стоящих перед нами проблем являются далеко не простыми и многосоставными, однако очевидно то, что Православие как никогда прежде призвано сегодня вновь обрести свое единство и полноту литургической и духовной жизни. Единство православного мира, без всякого преувеличения, составляет сегодня для нас жизненную необходимость.

С определенным оптимизмом, а также с чувством великой ответственности необходимо приложить все усилия для того, чтобы воспользоваться на деле результатами работ, проведенных на сегодняшний день в рамках Предсоборных Всеправославных встреч, с целью продолжить подготовку Всеправославного Собора и указать всем на цели его созыва. Наш непрменный долг заключается в том, чтобы приложить деятельные усилия в этом направлении, сознавая вместе с тем, что все мы в православном мире составляем *род избран, царское священство, язык свят, люди обновления* (1 Пет. 2, 9). Но мы должны помнить и о том, что мы являемся на земле родом *пришельцев и странников* (1 Пет. 2, 11). Из поля зрения богословия не должен теряться дух, запечатленный в послании к Диогнету: «Христиане не различаются от прочих людей ни странюю, ни языком, ни житейскими обычаями. Они не населяют где либо особенных городов, не употребляют какого-либо необыкновенного наречия, и ведут жизнь ни чем не отличную от других... Живут они в своем отечестве, но как

пришельцы; имеют участие во всем, как граждане, и все терпят, как чужестранцы. Для них всякая чужая страна есть отечество, и всякое отечество — чужая страна... Они во плоти, но живут не по плоти. Находятся на земле, но суть граждане небесные»²⁵.

²⁵ *Ps.-Just. Ep. ad Diogn.* 496, D:8—497, B:8. TLG 646/4. *Χριστιανοὶ γὰρ οὔτε γῆ οὔτε φωνῆ οὔτε ἔθεσι διακεκριμένοι τῶν λοιπῶν εἰσιν ἀνθρώπων. Οὔτε γάρ που πόλεις ἰδίᾳ κατοικοῦσιν οὔτε διαλέκτῳ τινὶ παρηλλαγμένη χρῶνται οὔτε βίον παράσημον ἀσκοῦσιν... Πατρίδας οἰκοῦσιν ἰδίᾳ, ἀλλ' ὡς πάροικοι μετέχουσι πάντων ὡς πολῖται, καὶ πάνθ' ὑπομένουσιν ὡς ξένοι· πᾶσα ξένη πατρίς ἐστὶν αὐτῶν, καὶ πᾶσα πατρίς ξένη... Ἐν σαρκὶ τυγχάνουσιν, ἀλλ' οὐ κατὰ σάρκα ζῶσιν ἐπὶ γῆς διατρίβουσιν, ἀλλ' ἐν οὐρανῷ πολιτεύονται...* Рус. пер. цит. по: Послание к Диогнету. Гл. 5 // Св. Иустин, философ и мученик. Творения. М., 1995. С. 375—376.